

шочтѣ

А.П.Дергачев ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ И НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В УКРАИНЕ

Одним из ключевых результатов первого десятилетия независимого государственного развития Украины стала острая потребность в изменении его политической парадигмы. На данном этапе, так или иначе, оставив позади (скорее пережив, а не преодолев) глубокие кризисные явления, унаследованные от советско-союзных времен, украинское государство и украинское общество оказалось в плену вполне эндогенного национального кризиса. Этот кризис не менее масштабен и многообразен. Он затрагивает политическую, экономическую, социальную и идейно-ментальную сферу и имеет все признаки системного. Однако в его основе лежит неадекватность управления, несоответствие качеств власти характеру задач, стоящих перед страной.

Власть, естественно, не желает признавать наличие кризиса, ею же порожденного. Большая часть властной элиты в силу своей природы даже не способна понять сущность происходящего. Долгое время оправдывавшая свою несостоятельность тяжелым наследием и прочими объективными причинами, она теперь приписывает себе заслуги в оживлении экономики, отбрасывает всякую критику, обещает «работать еще лучше». Не имея ни творческого потенциала, ни поддержки со стороны граждан, власть строит планы на десятилетие вперед, фактически исключая и альтернативные стратегии, и возможность своего поражения. Она стала не просто тормозом политических реформ, а последовательным противником демократических преобразований.

Новый кризис парадоксальным образом стал главным признаком и двигателем эволюции украинского общества и украинской политики. Возможности его преодоления и перехода в фазу нормального развития главным образом связано с ослаблением властной верхушки, с усилением оппозиции, с возникновением реальной альтернативы правящему режиму. Парламентские выборы стали отражением и катализатором таких изменений.

Уже президентские выборы 1999 г., впервые за период независимости, обозначили необходимость и возможность формирования (наряду с коммунистической) демократической альтернативы сложившемуся политическому режиму. Однако реальные условия для этого сложились лишь в последнее время. Через несколько месяцев после выборов обозначилось дальнейшее углубление кризиса власти и всей

**Выборы как
этап политической
борьбы**

политической системы. Деятельность правительства Виктора Ющенко, имевшего относительно высокий уровень общественной поддержки, частично затормозила этот процесс. С его отставкой всякие иллюзии относительно способности режима к демократической эволюции полностью отпали.

Часто проявления кризиса связывают с кассетным скандалом, внешним (преимущественно американским) вмешательством. На самом деле имеют место гораздо более масштабные, глубокие и, к сожалению, абсолютно закономерные кризисные явления. Власть уже много лет несменяема и находится вне системы политической ответственности. Свою деятельность она организует имманентно присущими ей методами. Фаворитизм, протекционизм, бюрократизация, превращение коррупции в норму не являются следствием злой воли или целенаправленных действий отдельных лидеров, которые могли бы быть заменены. Все это – проявления природы самой этой власти. Решения, принимаемые властью как публичным институтом, направленные на улучшение всего и вся, на стадии исполнения неизменно гасятся и извращаются ею же, но уже как самодостаточной, неконтролируемой обществом силой, блюдущей исключительно собственные интересы. Закономерно, что общенациональные функции выполняются властью неэффективно, материальные ресурсы и организационный потенциал в основном направляются на самообслуживание. Личные интересы и инициатива миллионов граждан, конструктивный потенциал новой элиты, которые на переходном этапе требуют особой поддержки, неизменно гасились. Страна не получила ни эффективного управления, ни возможности использовать механизмы конкуренции. Скандал лишь сделал эти «секреты» власти достоянием гласности, позволил дорисовать ее портрет, убавил иллюзий и индифферентности, что в значительной мере и изменило общественно-политическую атмосферу.

Впрочем, в условиях крайней слабости гражданского общества, одни лишь такие проявления кризиса политической и государственной системы вовсе не являлись достаточными предпосылками изменений. Долгое время оппозиционные силы были не в состоянии всерьез претендовать на власть. Перспектива смены власти стала реальной в конце 2000 – начале 2001 гг. Движение «Украина без Кучмы» по данным социологов пользовалось поддержкой 42-47% граждан, рейтинг доверия президенту не превышал 7%. Однако, оппозиционным силам не хватило консолидированности, не удалось разработать рациональную стратегию. Ставка на досрочные президентские выборы себя не оправдала, возможности добиться серьезных уступок по составу правительства, в вопросах избирательного законодательства, в информационной сфере были упущены. Проблемы политических реформ и смены властной элиты были отложены до очередных парламентских и президентских выборов. При этом первые,

в силу реального распределения полномочий и логики политических процессов рассматривались как проба сил и этап подготовки вторых.

На первый взгляд команда президента подошла к выборам в Верховную Раду в хорошей политической форме. Она смогла отбить атаки оппозиции с минимальными потерями и при этом извлечь для себя важные уроки. Был подправлен имидж власти, заменены некоторые скомпрометированные чиновники и отодвинуты в тень наиболее одиозные из олигархов. Были наработаны новые технологии воздействия на массовое сознание, нащупаны слабые места наиболее опасных конкурентов.

Однако в целом, долгосрочные перспективы для существующего политического режима ухудшились. Возможность сохранить пост президента на весь срок полномочий стоила Леониду Кучме весьма дорого. Апелляции к Конституции, постоянные напоминания о приверженности верховенству права, очевидно, ограничивают его собственный маневр. Практически отпал вариант третьего президентского срока. Уклонившись «на законных основаниях» от разбирательства по поводу обвинений в свой адрес, президент тем самым потерял возможность полноценной реабилитации и восстановления своего авторитета. Для многих в Украине и для большинства за рубежом очевидно, что он действовал вопреки традициям правового демократического общества. Политическая и правовая система Украины, оказались не готовыми к цивилизованной реакции на ситуацию. При этом, основные черты негативного имиджа страны – отсутствие верховенства права, прозрачности, бюрократизация, коррупция как бы оказались персонифицированными. Большинство граждан и все более значительная часть политической элиты просто ждет, когда же Леонид Кучма освободит место для другого лидера. Это же просматривается и в действиях большинства зарубежных партнеров. Более того, в этих условиях в значительной мере снижается эффективность варианта назначения приемника. Любой претендент, благословленный Кучмой, даже получив в свое распоряжение административный ресурс, окажется в пространстве публичной политики в затруднительном положении.

Это, в частности, обесценивает российский опыт передачи власти и опыт выборов в Государственную Думу. Общественно-политическая ситуация в Украине к 2002 году существенно отличалась от российской периода передачи власти от Ельцина Путину. До мартовского голосования это было ясно еще не для всех и не было надлежащим образом учтено в избирательных стратегиях, что стало главной причиной неожиданностей.

Леонид Кучма уже давно утратил шанс добиться поддержки населением своей политики. Но до недавнего времени он легко обходился без этого, поскольку в стране отсутствовала дееспособная оппозиция. Он правил, игнорируя крайне низкий рейтинг доверия, и

испытывает дискомфорт лишь оттого, что появляются новые популярные и недостаточно контролируемые лидеры. Условия, в которых приходится действовать ему и его окружению, разумеется, намного сложнее тех, что существуют, например, в Белоруссии и Казахстане. Однако, его отношение к демократическим механизмам формирования и осуществления власти как к неудобной формальности, вполне очевидно. Эйфория после легкой победы на выборах 1999 г., иллюзия полной управляемости общества, укрепившаяся после апрельского референдума 2000 г., дезориентировали президентскую команду. Дополнительную уверенность ей придавали еще два обстоятельства: поддержка Москвы с ее опытом и готовой моделью управляемой демократии, и концентрация вокруг себя ресурсов большинства клановых группировок.

Под эти выборы власть впервые сформировала и официально поддерживала свой блок партий. Весьма характерным был отказ при его раскрутке от продвинутых выборных технологий. Исключительная ставка на административную вертикаль свидетельствуют, что для блока «За единую Украину» не планировалась ведение кампании наравне с другими участниками, использованием принятых для соревнования партий способами. Проект «Единой Украины» как никогда способствовал тесному взаимодействию высшей бюрократии и лидеров кланово-олигархических группировок, в этом аспекте знаменовав собою новую высшую ступень самоорганизации правящей верхушки. Фактически на выборах 2002 года между собой боролись не только партии и блоки. Помимо этих классических субъектов, участниками выборов были власть (президентская вертикаль и правительство), чьи интересы было поручено представлять блоку «За единую Украину», и созданные ею же квазипартийные образования.

Достаточно спокойное отношение власти к избирательной кампании объяснялось и тем, что дистанция в два с половиной года до основных – президентских – выборов предоставляла широкие возможности для маневра. Не будучи готовой к операции «новый президент», она решала скорее предварительные и профилактические задачи: резервирования за собой возможностей законодательного органа и ограничения возможностей конкурентов. Фактически, задачей номер один была минимизация потенциала и готовности к самостоятельным действиям Виктора Ющенко и, отчасти, – коммунистов. Эти две силы делали цель получения жестко контролируемого конституционного большинства (2/3 голосов) недостижимой. В то же время, крайне важным было не допустить в парламент наиболее последовательные оппозиционные силы – блок Юлии Тимошенко и Социалистическую партию, возглавляемую Александром Морозом. При этом готовилось прохождение в парламент нескольких марионеточных групп. Таким образом, достигалась бы изоляция как левой, так и правой оппозиции, возникали достаточные предпосылки для использования одной из

них, либо обеих поочередно, для проведения ситуативным конституционным большинством тех или иных решений.

Власть использовала выборы для наработки нежестких механизмов управления общественно-политическими процессами. Как ключевые механизмы в этом смысле рассматривались: обеспечение принятия «удобных» законов и процедур, системное использование изъянов в законодательстве, использование зависимости судебной системы для легитимации неправовых решений. Это дополнялось теневым давлением на конкурентов, полномасштабным использованием своего «исторически сложившегося» доминирования в СМИ. Так что изощренность методов ведения борьбы на выборах, наряду со значительной открытостью кампании для национальных и международных наблюдателей, на которую сознательно пошла власть, стали отличительной чертой ее стратегии. Очевидно, что в число задач на этот период входило улучшение имиджа власти и подготовка общественного мнения (прежде всего за рубежом) к восприятию планируемых ею результатов президентских выборов.

Одновременно на вспомогательных участниках выборов отработывались и новые избирательные технологии. По сравнению с предыдущими кампаниями они стали на порядок разнообразнее и сложнее. В той же степени расширилось привлечение российских политических технологов, в том числе многих наиболее известных, что делает особенно любопытным сравнение эффективности методов их работы у себя и «в ближнем зарубежье».

Голосование 31 марта 2002 г. дало противоречивые и многоплановые результаты. Определение состава депутатов Верховной Рады – вряд ли главный из них. Следует иметь в виду, что и по Конституции и, в еще большей мере, в силу политической практики, украинский парламент не имеет реальной власти и может лишь опосредованно влиять на государственную политику. Гораздо более значимыми, особенно с точки зрения перспектив, стали выявленные выборами тенденции общественного развития, возможности становления реальной демократии, перспективы отдельных политических сил на очередных президентских выборах.

Выборы получили относительно благоприятную оценку международных наблюдателей. Новый закон о выборах, принятый в октябре 2001 г., учитывал большую часть рекомендаций ОБСЕ и Совета Европы и создал предпосылки для проведения демократических выборов. Организация общественного контроля за выборами, как и сами результаты голосования способствовали некоторой реабилитации Украины в глазах демократической международной общественности. Несовные замечания адресовались власти: административное вмешательство, неравный доступ к средствам массовой информации, а в отдельных округах – препятствование работе наблюдателей и доверенных

Итоги выборов и формирование новой политической ситуации

лиц. Возможно, самой серьезной проблемой стала несамостоятельность судов, их широкое использование для коррекции результатов выборов.

Результаты выборов по многомандатному округу таковы: «Блок Виктора Ющенко «Наша Украина» – 23,57% голосов (70 мандатов), Коммунистическая партия Украины – 19,98% (59), блок политических партий «За Единую Украину!» – 11,77% (35), «Избирательный блок Юлии Тимошенко» – 7,26% (22), Социалистическая партия Украины – 6,87% (20), Социал-демократическая партия Украины (объединенная) – 6,27% (19). Остальные 27 партий и блоков, участвовавших в выборах, не преодолели 4-процентный барьер.

Несмотря на то, что выборная кампания сопровождалась регулярными замерами электоральных предпочтений, проводившимися несколькими социологическими центрами, результаты выборов оказались во многом неожиданными. Во всяком случае, они не соответствовали расчетам президентской команды и той картине, которая старательно формировалась средствами массовой информации. Главной неожиданностью стало уверенное прохождение в ВР оппозиционных СПУ и блока Юлии Тимошенко, которых власть всячески пыталась вытеснить из большой политики. Блок «За единую Украину» набрал практически вдвое меньше, чем первоначально планировалось в его штабе. Также намного более скромный результат получили его младшие партнеры – объединенные социал-демократы. Полностью провалился план проталкивания в парламент разнообразных сателлитов типа блока «За единую Украину»: всеукраинского политического объединения «Женщины за будущее», блока политических партий «Команда озимого поколения», Партии зеленых Украины. Активно эксплуатируя популярные идеи – гендерную, омоложения и обновления, защиты природы, пользуясь массовой поддержкой власти и крупного капитала, они, тем не менее, проиграли. Набранные ими соответственно 2,11, 2,02 и 1,30% голосов – результат распознавания избирателями искусственности их происхождения, политической несамостоятельности. Потерпели полный провал и другие виртуальные участники выборов. Не имея шансов на победу, они не смогли справиться и с тактическими задачами – осложнить работу и забрать голоса у тех, кого власть считала своими наиболее опасными соперниками. Наиболее наглядный пример – 0,16% голосов, набранных блоком «Народный Рух Украины», имевшим самые широкие возможности раскрутки, и вошедших клоном в блок Ющенко НРУ и УНР.

Украинский избиратель, как оказалось, критически относится к политической рекламе и в гораздо большей степени интересуется политической биографией партий, их реальной ролью в конкретных политических коллизиях. Выборы зафиксировали сужение сектора примитивного протестного электората. Большее значение получила не критика как таковая, а реалистичная конструктивная программа. Это

стало главной причиной поражения «Блока Наталии Витренко» (3,22% голосов), а затем и ее персональной неудачи на довыборах в одномандатном округе в июле 2002 г. Кроме того, можно констатировать снижение, на данном этапе, внимания власти к заслугам и возможностям Витренко в ослаблении оппозиции.

В целом, избиратели весьма рационально обошлись с украинской мультипартийностью. Помогло им в этом и то, что только около половины зарегистрированных партий участвовали в выборах. К тому же, многие из них, в том числе располагающие большими, организационными и информационными ресурсами предпочли образовать блоки. При этом только 11 из 33 участников выборов оказались в состоянии вести активную кампанию. Остальные, как заведомые аутсайдеры, хотя и «засоряли» политическое пространство, в целом не мешали основной массе электората сориентироваться. В партийной системе резко сокращается ниша для партий-сателлитов. Им остается либо раствориться в единственной партии власти, либо соглашаться на сугубо вспомогательную роль.

Вторая половина выборов – по одномандатным округам принесла в значительной мере иные результаты. Это даже породило характерный термин – «аномалия», примененный в отчете Миссии наблюдателей ОБСЕ. Статистически это выглядит так: Коммунистическая партия Украины победила на 100 избирательных округах, однако, ее кандидаты прошли только в 7. «Наша Украина» выиграла выборы в 94 округах, а ее мажоритарщики – только в 42. Блок «За Единую Украину» был первым в 18 округах, но при этом, победителями стали 66 поддержанных им кандидатов. Социалисты выиграли выборы в 12 округах, но провели только трех своих кандидатов. Не победившие ни в одном округе объединенные социал-демократы провели в Верховную Раду 5 своих одномандатников.

Конечно, не следует отбрасывать некоторых различий в мотивации голосующих за список и за конкретного кандидата. В малых городах и в сельской местности играет немалую роль предельная конкретность обещаний одномандатников при чинах и деньгах. Кроме того, имели место многочисленные случаи, когда самовыдвиженцы, строившие кампанию на критике власти, реально ею поддерживались. Однако огромный дисбаланс результатов двух голосований требует дополнительных объяснений. Упорный отказ власти от перехода на чисто пропорциональную систему выборов и даже просто изменение пропорций в пользу «списочников» (пять вето президента на закон о выборах), как и региональные расхождения в уровне проявления отмеченной «аномалии», весьма четко накладывающиеся на диспропорции в составе избирательных комиссий, весьма показательны. Выборы в одномандатных округах на востоке и юге страны, где институты гражданского общества оказались не в состоянии противодействовать местной бюрократии и кланам, проводились с грубым

нарушением демократических норм. В этих регионах в целом намного более эффективно сработал административный ресурс. Это наглядно подтвердилось и географией увольнений глав областных и районных администраций по итогам выборов.

В целом, результаты голосования зафиксировали возросший уровень недоверия граждан к власти. Лишь исключительная бесконтрольность ситуации в Донецкой области, равно как и во многих одномандатных округах позволила ей несколько выправить положение. Отмеченные выше победы и поражения важны не только и не столько тем, что обозначили во многом иной, чем ожидалось, состав депутатского корпуса. Важнее, что результат массовой обработки граждан оказался другим, чем предполагалось. Ни монополия на электронные СМИ, ни сложные PR-технологии, ни скоординированное давление начальства на подчиненных не дали ожидаемого результата. Украинский избиратель оказался более зрелым, требовательным, уважающим себя. Именно это стало причиной провала виртуальных избирательных проектов и обесценило организационно-технологические наработки из арсенала управляемой демократии, накопленные украинской властью с президентских выборов 1999 г. и апрельского референдума 2000 г. Это касается и российского опыта. Фактически в Украине обозначилась общественно-политическая эволюция, достаточно оригинальная для пространства СНГ. Усиление демократической оппозиции наложило на ослабление авторитарного по своей сути политического режима.

Следует признать, что подъем демократических настроений в период выборов вовсе не означает возникновения соответствующей стабильной тенденции. После голосования власть в значительной степени восстановила свою независимость от общества, вполне преуспев в использовании теневых механизмов влияния на публичную политику. Президент, воспользовавшись ошибками оппозиционных сил, их неготовностью действовать согласовано, в основном восстановил свой контроль над политическими процессами. Фактически подверглись ревизии и сами результаты выборов. Наиболее наглядно это проявилось в структурировании Верховной Рады и формировании ее руководства.

Структурирование ВР проходило под большим давлением со стороны президентской администрации. Его главным объектом стали самовыдвиженцы, а также некоторые депутаты-бизнесмены из оппозиционных фракций. Это привело к разрастанию фракции «Единая Украина» до 177 депутатов. При открытии первой сессии ВР 15 мая другие фракции имели такую численность: «Наша Украина» – 118, КПУ – 64, СДПУ(О) – 31, блока Юлии Тимошенко – 23, СПУ – 22. Еще 12 депутатов оставались внефракционными. Минимальное численное превосходство оставалось за 4 оппозиционными фракциями, однако, они оказались неспособными к взаимодействию и даже к обеспечению дисциплины голосования. Избрание лидера «Единой

Украины» Владимира Литвина Председателем Президиума ВР минимально необходимыми 226 голосами засвидетельствовало проигрыш оппозиции в борьбе за руководство парламентом.

Почти сразу после избрания руководства ВР и распределения комитетов начался процесс перегруппирования депутатов. В результате вторичного «самоопределения» членов фракции «За единую Украину» депутатский корпус оказался разделен на 10 фракций и 3 группы, большинство из которых демонстрируют стремление расширить свой состав, некоторые, к тому же — постоянно маневрировать в политическом поле. Динамичное равновесие между пропрезидентскими наследниками «Единой Украины» и СДПУ(О), с одной стороны, и исповедующими разную тактику 4 остальными фракциями, с другой, может нарушаться уже осенью.

Структура парламента все более будет подчиняться логике борьбы за президентское кресло. С этой точки зрения достижения и перспективы основных политических сил могут быть оценены более адекватно.

Стимулы формирования двух блоков «За единую Украину» и «Наша Украина» одинаковы — в одиночку образовавшие их партии не имели серьезных шансов преодолеть четырехпроцентный барьер. Однако их организационные основы при всей схожести имеют принципиальные различия. Первый блок обозначил в качестве своего неформального лидера президента Леонида Кучму, еще неготового назвать своего приемника. Второй, хотя и продемонстрировал весьма активную работу, своим успехом обязан высокому личному рейтингу Виктора Ющенко. Закономерно, что многочисленные сторонники Кучмы не могут иметь общей стратегии на приближающиеся президентские выборы. Они уже длительный период не способны выдвинуть ни общего, ни вообще реального лидера, уже сейчас страдая от конкуренции кандидатов на эту роль. Распад фракции «За единую Украину», столкновения донецкой, днепропетровской и киевской группировок за посты в государственных органах, главным образом распределяющих и контролирующих, в руководстве областей — только начало этого процесса.

Дело, конечно же, не сводится к ожидаемой смене президента. Вокруг Леонида Кучмы за последние годы частично с энтузиазмом, частично вынужденно объединились не вполне однородные по своей природе и, безусловно, имеющие разные интересы экономические группировки. Они все пользуются огромными привилегиями, но в разной степени готовы к существованию в условиях реальной конкуренции, без меркантильных взаимосвязей с властью. Кроме того, они в разной степени готовы и способны к соответствующей эволюции. Часть из них, особенно глубоко замешанная в финансово-экономических махинациях, ради сохранения современной системы власти и принцепов ведения бизнеса готова идти до конца. Остальные уже сейчас подыскивают альтернативные варианты. Некоторые из новых

депутатских объединений, возникших на базе фракции «За единую Украину», начинают двойную игру имея в виду возможность не только на том или ином этапе присоединиться к Ющенко, но и рассчитывать на соответствующие дивиденды. Разумеется, за два с половиной года до президентских выборов ни о какой их оппозиционности речь не идет. Да и в дальнейшем, скорее всего все сведется к позиции прагматичного конформизма.

«Наша Украина», несмотря на сложную внутреннюю структуру, имеет гораздо больше возможностей сохранить целостность. Фактор Ющенко по мере приближения президентских выборов будет наращивать консолидирующее воздействие во все более широком политическом формате.

Еще одним принципиально важным результатом выборов стало заметное сокращение влияния коммунистов и обозначение качественных сдвигов в расстановке и роли политических сил левого фланга. Знаковым событием стало то, что полностью исчезла угроза левого реванша. КПУ оказалась перед лицом сложных проблем, источником которых стали не только объективные процессы, но и действия руководства. У коммунистов накопились опасные несоответствия в позиции, занимаемой ими в отношениях с избирателями с одной стороны и с властью – с другой. Невнятная, чтобы не сказать, сомнительная оппозиционность уже привели к утрате части протестного электората. При этом они стали, особенно в мажоритарных округах, одними из главных поставщиков голосов для партии власти. Неопределенность политического будущего коммунистов связана и с тем, что они в дальнейшем не смогут претендовать на роль единственной или основной альтернативы власти. Социологические опросы, проведенные уже после выборов, зафиксировали, что коммунисты в значительной мере утратили имидж оппозиционной силы. Уже сейчас очевидно, что на президентских выборах единого левого кандидата от КПУ, который смог бы привлечь не только коммунистический электорат, не будет. Партия утрачивает последние шансы стать основой формирования современной левой силы европейского образца, уступая эту нишу СПУ. Коммунисты не просто были вытеснены на третью позицию, но и оказались в качественно иной роли. Их лидер – Петро Симоненко, хотя и сохраняет относительно высокий рейтинг, уже не рассматривается как реальный претендент на пост президента. Более того, он рискует стать жертвой тактической борьбы, так как скорее всего, окажется препятствием для выведения во второй тур претендента от власти. Сложное маневрирование фракции КПУ во время работы первой сессии Верховной Рады — свидетельство поиска ее руководством оптимальной стратегии на новом этапе.

В крайне сложной ситуации оказалась СДПУ(О). И дело не столько в скромном результате на выборах, сколько в утрате перспектив стратегии совмещения публичных и непубличных методов политической борьбы, исповедовавшейся партией. Ставка на преимущества

одновременного использования ресурсов власти и демонстрации отстраненности от нее, как основы пропагандистской работы, обернулась для партии очевидными ограничениями роста поддержки электоратом. Все больше сомнений у сторонников социал-демократии вызывает и искренность убеждений лидеров СДПУ(О) – преимущественно владельцев крупных капиталов и представителей высшей номенклатуры. Сегодня они обречены подыгрывать блоку власти, растрачивая и без того скромный рейтинг электоральной поддержки, и искать себе адекватное возможностям место в той конструкции власти, которая возникнет после президентских выборов. Переход Виктора Медведчука на должность главы президентской администрации серьезно обесценивает титанические многолетние пропагандистские усилия социал-демократов. Личная политическая карьера лидера, скорее всего, будет ограничивать перспективы для самой партии.

Выборы могли привести к существенным политическим изменениям. Однако этого не произошло. Команде президента на данном этапе удалось заблокировать развитие демократических процессов. Однако эта победа далась режиму большой ценой. Произошло масштабное саморазоблачение власти. Для абсолютного большинства граждан стало очевидным, что она боится открытого соревнования, что она – главное препятствие развитию демократии. Власть на этих выборах растратила значительную часть своих резервов, в том числе таких, которые практически не восстанавливаются. Выборы подорвали политические перспективы претендентов на лидерство. При этом мало сказать, что обесценился кадровый резерв режима. Конечно, готовых выслуживаться всегда хватает. Но уже практически ничего нельзя сделать с тем, что связь с этой властью превращается в черную метку и для отдельных политиков, и для целых партий. Любой ставленник власти не имеет перспектив обрести серьезный публичный потенциал.

Налицо серьезные предпосылки изменения ситуации в сторону большей цивилизованности. Впервые после 1990-1991 гг. нестабильность украинской политической системы имеет весомую конструктивную составляющую. Рост неконформизма, требовательности и политической культуры избирателей, наряду с активными действиями оппозиционных сил привели к снижению регулируемости, повышению реальной конкурентности политического процесса.

Общество и те политические силы, которые реально представляют его интересы, могут и должны воплотить опыт этих выборов в конкретных решениях. Прежде всего, речь идет о переходе на пропорциональную систему выборов, расширении полномочий ВР по формированию правительства, реформирование системы власти в регионах, укрепление местного самоуправления и создание на этой основе механизмов политической ответственности на всех уровнях. Сейчас уже вполне очевидно, что продвинуться в решении этих проблем

до президентских выборов можно будет лишь в той мере, в какой с этим согласится президентское окружение. Насколько это реально?

Есть два весьма весомых обстоятельства, способных подтолкнуть власть к гибкой политике. Во-первых, она, будучи отвергнутой в своем нынешнем облики, должна как минимум мимикрировать под демократическую. Во-вторых, официальный Киев зашел слишком далеко в своих декларациях относительно европейского выбора, что также обязывает хотя бы к частичному выполнению обязательств. Фактически власти приходится подтягиваться к уровню развития общества, отказываться от ставки исключительно на примитивное манипулирование и грубое принуждение, осваивать приемы публичной политики. Можно предположить, что тактика окружения президента, уровень демократичности его действий будет зависеть от индивидуальных данных приемника, от его восприятия основными политическими силами и гражданами.

Выборы были последней возможностью нормального, воспринимавшегося естественно, старта претендента. Наиболее явственно на роль приемника пробовались Владимир Литвин и Валерий Хорошковский. Одновременно имели максимальные возможности показать свой потенциал Валерий Тигипко и Владимир Медведчук. Перед последним, наиболее рейтинговым, стояла дополнительная задача – войти в число наиболее доверенных лиц. Реального старта, однако, не состоялось. Более того, публичная и кулуарная деятельность кандидатов породила серьезные сомнения в их способности справиться с ролью. При этом, в силу общественных настроений и, конкретно, – укрепления позиций Ющенко, уровень требований к приемнику повысился.

Приближение президентских выборов, реальность смены власти являются дополнительными мощными стимулами развития политической ситуации. Логика президентских выборов предполагает максимальную консолидацию политических сил вокруг 3-4 претендентов на победу. Общий характер общественно-политических процессов создает предпосылки для того, чтобы такое объединение не носило ситуативный, временный характер. Украинские выборы этого года, таким образом, вобрали в себя ряд важных особенностей. Они дали старт периоду качественных сдвигов в политической элите и системе власти. Они стали первыми реально конкурентными выборами, в которых общество достаточно успешно противостояло попыткам власти зарегулировать процесс волеизъявления, поскольку нарушили заданный сценарий и дали результаты, отчасти адекватные структуре электоральных предпочтений. Главные отличия заключаются в существенно меньшем резерве прочности политического режима и в наличии качественно иного основного конкурента власти – правой оппозиции. На ходе избирательной кампании сказались и относительно

большая открытость Украины, и более пристальное внимание к развитию политической ситуации в ней со стороны Запада.

**Новые
Перспективы
Развития
украинско-
российских
отношений**

Долгое время отношения между Украиной и Россией сохраняли специфику, связанную с незавершенностью процессов самоопределения, фактической неясностью модели национального развития и предпочтений правящих элит. Россия первой завершила переходный период и артикулировала свои национальные интересы. Украина только приближается к этому рубежу своего развития, предусматривающему существенные изменения в ее характеристиках как субъекта международных отношений. Сегодня, таким образом, российская политика в отношении Украины имеет достаточно четкие параметры, тогда как в Киеве все еще нет ни единого понимания принципов выстраивания украинско-российского сотрудничества. Эта неопределенность во многом проясняется в ходе внутривнутриполитической борьбы, в который российский фактор играет существенную роль.

Российское влияние в Украине сегодня основывается уже не столько на исторической, культурной, языковой и ментально-психологической близости, о которой так много говорят, сколько на сопряженности интересов находящейся при власти политической и бизнес элиты, которая всячески замалчивается. Это влияние в основном и формирует двусторонние отношения, которые, таким образом, вбирают в себя многие родовые признаки этих привилегированных прослоек.

Успешная на сегодняшний день стратегия использования россиянами слабости украинских контрагентов страдает негибкостью и может оказаться подорванной в результате изменений в украинской власти. Кроме того, она предусматривает сугубо консервативную роль России, что не гармонирует с декларируемой ею ролью в международных, в частности в европейских делах. Одно дело, когда в Москве выражают обеспокоенность тем, что углубление сотрудничества Украины с ЕС и НАТО может осложнить российско-украинское стратегическое партнерство. Понятно, что за этим стоят ее объективные национальные интересы, вовсе не обязанные совпадать и интересами Украины. И совсем другое дело, когда практические шаги России тормозят демократические преобразования в нашей стране. За этим просматривается расчет определенной части элиты оставить Украину в недореформированном постсоветском состоянии, делая ее избирательно уязвимой именно от России. Это постепенно превращается в опознавательный знак «российского фактора», способный исказить отношение к России у значительной части демократически настроенных украинских граждан. Силы, поддерживающие непопулярную власть, рискуют стать также непопулярными. Это уже происходит вне зависимости от пропагандистских усилий и даже скорее вопреки им.

Парламентские выборы в Украине для внимательного наблюдателя дали достаточно ясную картину разнонаправленности и различной природы западного и российского влияния. Действия Запада, носившие публичный характер и направленные на обеспечение демократического хода выборов, очевидно контрастировали с часто скрытыми действиями России, имевшими целью повлиять на их результат. Это вполне совпадало с подходом к выборам властных структур, шедших на масштабные нарушения правовых норм, ради обеспечения победы. Закономерно, что резолюция Палаты представителей Конгресса США о необходимости обеспечения честных прозрачных выборов комментировалась центральными СМИ как вмешательство во внутренние дела, тогда как заявление главы администрации президента Российской Федерации Александра Волошина в поддержку блока «За единую Украину», СДПУ(О) и КПУ, было воспринято как должное, а скорее всего, было сделано по просьбе из Киева. Запад осуществляет свое влияние с одной стороны через систему официальных международных обязательств, с другой – работая с «третьим сектором» оказывая через открытые конкурсы финансовую и техническую помощь в виде грантов. Россия ориентируется на взаимодействие с конкретными центрами влияния, в том числе широко используя теневые экономические и политические механизмы, внедряя нецивилизованные политические технологии.

Российская позиция в украинских делах в самой Украине интерпретируется в формате приближающихся президентских выборов. Для многих очевидно, что поддержка определенных политических сил и лидеров определяются не только и не столько их симпатиями к России, сколько их зависимостью от нее. В окружении украинского президента преобладают политики и бизнесмены, имеющие личные интересы в России. Фактически они подчиняют государственную политику этим интересам и, таким образом, становятся прогнозируемыми и уступчивыми партнерами по переговорам, или же попросту лоббистами российских интересов в своей стране. У многих из них есть основания тормозить приход в Украину западных конкурентов, тормозить утверждение современных демократических норм государственного управления и ведения бизнеса. Трудно отрицать, что для Москвы выгодно сохранение такой ситуации, равно как и успешная передача власти от Леонида Кучмы избранному им приемнику.

Взаимодействие официальной Москвы и официального Киева претерпело при Путине существенные изменения. Можно приветствовать его деидеологизацию, прагматизацию. Окончательно сняты с повестки дня вопросы воссоединения и реставрации. Но оно не стало

и, очевидно, не могло на данном этапе стать механизмом взаимоподдержки в демократических преобразованиях. Политическим режимам двух стран присуща особая посткоммунистическая консервативность. Налицо перенимание ряда черт российской державности новой украинской

номенклатурой в ее модели «разбудовы державы». Это создает реальную преграду реализации декларируемого европейского выбора, формирует евразийские геополитические предпочтения.

Однако политическая борьба в Украине сегодня содержит реальную возможность перехода на европейскую модель развития. Становление политических сил правого спектра актуализирует общедемократические задачи и оттесняет на второй план этнонациональные вопросы. Это в полной мере соотносится с запоздалым, но все же происходящим переходом во внешнеполитической сфере: от отстаивания национального суверенитета и независимости к защите национальных интересов и обеспечении благоприятных условий сотрудничества.

Отношение к демократическим ценностям, развитие институтов гражданского общества становятся наиболее существенными показателями внутривнутриполитических процессов. Традиционное противопоставление отдельных регионов по уровню влияния националистов и по признаку доминирующего отношения к России, попытки обыгрывать угрозу раскола страны уже не дают ожидаемого эффекта. Именно поэтому, стремление представить Ющенко зависимым от Запада лидером националистических, и потому антироссийских, политических сил, страдает не только примитивизмом, но, главным образом, – неадекватностью, запаздыванием в оценке реальной ситуации. Стратегия правой оппозиции заключается в возобновлении и углублении реформ как в политической, так и в экономической сфере. В этом смысле они предполагают в определенной мере изменить характер украинско-российских отношений. Они должны быть более четко вписаны в стратегию интеграции в Европу, стать максимально публичными и партнерскими, причем на уровне наций, а не правящих элит.

В ближайшие два с половиной года Украина будет объектом международного внимания. Ей не удалось преуспеть в выполнении обязательств перед Советом Европы. Расчеты официального Киева на отмену мониторинга после мартовских выборов не оправдались. Процедура мониторинга будет осуществляться до президентских выборов. Кроме того, инициативы Леонида Кучмы в сотрудничестве с Западом очерчивают перспективу того, что смена власти не будет происходить в условиях искусственной изоляции страны. Это способно существенно скорректировать условия ведения политической борьбы и роли в ней внешних факторов.

В последнее время наблюдается частичная коррекция геополитических ориентиров основных акторов. Пропрезидентские силы испытывают трудности с осуществлением так называемого европейского выбора. Активизация отношений с ЕС и НАТО, призванная подправить международный имидж президента создает для них много неудобств и даже рисков. Они неспособны составить конкуренцию правой оппозиции в европейской политике и при этом рискуют оказаться

вынужденными вести политическую игру более прозрачными методами. Складывается ситуация, при которой будет труднее использовать против правой оппозиции все еще существенный потенциал антизападничества, как это было во время парламентских выборов. Пока еще неясно, какой станет новая политическая роль коммунистов, фактически перешедших (гораздо позже, чем их российские соратники) на патриотические позиции. Однако очевидно, что обе эти политические силы будут вынуждены уточнять и свое отношение к России.

Безусловно, ключевое значение для оценки перспектив украинско-российских отношений имеет позиция Москвы в вопросе возможной смены власти в Украине. Смены, которая будет связана с реальными изменениями приоритетов, качества и стиля ведения внутренней и внешней политики. Преодоление кризиса национального развития требует таких изменений и общество демонстрирует все большую готовность к их осуществлению. В России должны решить, поддерживать или нет становление новой Украины.

Парламентские выборы впервые обозначили новое реальное общественно-политическое противоречие и новые альтернативы развития страны. Их результаты показали, что пренебрегать публичной сферой больше нельзя. В стране накопилась критическая масса недовольства, происходит частичная консолидация контрэлиты, сформировалась реальная демократическая альтернатива власти. На фоне неэффективного авторитарного режима, где ключевые позиции в политике и экономике захватили бюрократия и кланово-олигархические группировки, возникла реальная перспектива построения общества европейского образца. Возможности президента держать под своим контролем политические процессы оказались весьма ограниченными. Мощная конструкция теневой политики, массивное использование административного ресурса уже не дают гарантий сохранения режима и вынуждают власть искать дополнительные средства, разнообразить методы политической борьбы. Выборы продемонстрировали весьма глубокое обособление власти и общества не только в аспекте кризиса доверия. Произошло разделение в принципах и степени управляемости. Влияние президента и его команды зиждется на симбиозе бюрократических и клановых механизмов, уверенно распространяясь только на соответствующую сферу. Приводные ремни, призванные распространять это влияние на общество в целом, оказались ослабленными. Власть, безусловно, способна добиваться нужных ей результатов в большинстве конкретных случаев, но ее возможности обеспечить победу в национальных масштабах оказались под серьезным вопросом. Ближайший период для Украины будет политически очень насыщенным и ответственным. Он определит долгосрочные перспективы ее развития. Он же даст ответ на вопрос о том, кто действительно является ее стратегическим партнером.